

Роль аналитической философии в истории философии

Впервые аналитическое прочтение мировой мысли предложил Берtrand Рассел в своей «Историей западной философии» (1945). И только в 70-80-х гг. XX в. аналитическая философия заново проявляет интерес к историко-философской проблематике.¹ В своей изначальной стадии отношение к истории философии трактовалось как лишенное законосообразности внутри «метафизической» фазы (О. Конт), ибо всякую историческую науку Конт подчинял социологии, растворив в теоретических результатах его метода. В XX в. К.Гемпель, Ф.Франк, Фон Мизес и Г.Рейхенбах долгие годы сохраняли отношение к истории философии, характерное для ортодоксального неопозитивизма. Оно явилось отчасти продолжением взглядов сторонника «первого позитивизма» Дж.Льюиса, который в своей *«Biographical History of Philosophy»* указал, что в одиннадцатой «завершающей» эпохе произойдет торжество позитивизма и философия окончательно уступит место положительной науке.² По его мнению, новейшая философия начинается методом и кончается методом, что приводит к положительной науке и отстраняет метафизику. Р.Карнап на страницах *«Erkenntnis»* заявил, что философствование началось в виде эмоциональных поисков и ими же оно и заканчивается, приняв форму, родственную музыкальным переживаниям. И только логический анализ языка науки может стать способом возрождения философии, притом в смысле, как метода, так и содержания. О бесплодии традиционной философии и истории философии настойчиво говорил К.Гемпель. В объективистском ключе рассматривает историю философии XX века В.Штегмюллер. Близкие к логическому позитивизму Фейгль, Франк, Айер и др. вскоре стали отказываться от толкования философских вопросов как «псевдопроблем» и высказали любопытные мысли о поиске путей теоретического осмыслиения историко-философского процесса.

Современные исследователи этого направления признают, что философы прошлого разрабатывали истинно метафизические вопросы, притом с элементами аналитичности (у Юма, Локка и особенно Канта, который признается основоположником аналитической традиции). Поскольку приблизительное решение проблем не дало желаемого результата, то необходима «рациональная реконструкция» прошлых учений, чтобы выявить рациональные положения и включить их в контекст современной философии. Основной жанр аналитиков - рациональная реконструкция, образцом которой считается работа П. Стросона,³ хотя она закрывает возможность для самосознания, чтобы понять, как возникают и исчезают проблемы. В последней работе *«Анализ и метафизика»* (1992) он отстаивает модель анализа, прослеживающей связи в системе (связать понятия пространственности и временности с логическим понятием индивидуального объекта, связь когнитивного, концептуального и поведенческого в социальном контексте). По мнению Стросона, философия должна опираться на понятие базисных индивидов, которым приписывают как материальные, так и личностные предикаты. При этом надо учитывать включенность людей в культуру, с одной стороны, и наличие у них врожденной концептуальной схемы, структурирующей весь опыт.

А.Данто приписывает антиметафизическую установку всей философии XX в. Он говорит, что даже сформированная «духом Вены» терминология философии Витгенштейна, говорившая о «больной метафизике» и ее терапии, как и прямые последователи Фрейда (Дж.Уиздом и М.Лазеровиц), не смогла излечить философию от

¹ См.: Боброва Л. А. *Об изменении отношения аналитической философии к истории философии* // Новейшие тенденции в современной аналитической философии. М. 1985. С. 41-70

² Льюис Дж. *История философии*. Изд.2. СПб. 1892. С.653

³ Strawson P. *The bounds of sense: An essay on Kant's critique of pure reason*. L. 1966.

метафизики. Следует отметить, что еще в Гейдельбергских лекциях 1970 г., Э.Тугентхат посредством проверки прежних решений основных философских проблем аналитической философии сделал вывод, что она сохранила основную философскую проблематику и обсуждает ее гораздо глубже, чем философия традиционная, поскольку освободилась от содержащих развитие догматических представлений.⁴

Даже в странах далеких от аналитического движения основные его герои знамениты, а концепции широко используются. Так во Франции, как пишет Энжель Паскаль, аналитическая традиция не получила звучания, хотя и есть свои пропагандисты - витгенштейнианец Ж.Буврис, «научный реалист» Р.Жэкоб, Д.Пруст, Ж.Вайлемин, Ж.Гранже, Ф.Жак, Ф.Неф, Д.Заславский и другие.⁵ И, напротив, не так широко известна Уппсальская школа А. Хёгерстрома и А.Палена, хотя аналитическая традиция в скандинавских странах является преобладающей. Подводящий итог двадцатому столетию, англо-американский справочник «*Сто философов двадцатого века*» (1998) включает в их число двадцать семь аналитиков, и определяет десять аналитических школ и направлений, среди которых фигурируют позитивизм Конта, эмпиризм, легальный и логический позитивизм, лингвистическая и аналитическая философия, новый реализм, позитивизм.⁶ *A Companion to Analytic Philosophy*. Edited by Martinich Aloysius. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – включает сорок значимых аналитических философов, начиная с Г.Фреге и заканчивая Дэвидом Льюисом.

Нередко в англоязычной историко-философской мысли аналитическая философия отождествляется с профессиональной. Так в США она начинается с работ К.Льюиса, Н.Гудмена, У.Куайна, Э.Нагеля и др. Не порвали с аналитической философией философы науки Т.Кун, И.Лакатос, С.Тулмин. П. Фейерабенд. Осмысление перспектив аналитической философии, которая испытывает огромное влияние радикальных изменений в философии, культуре и науке в конце века - актуальное и полезное занятие, раскрывающее последовательное выдвижение в центр обсуждения философии логики, эмпирической эпистемологии логических позитивистов, философии языка и философии сознания, политической философии, трансцендентальной метафизики и т.п., когда сам анализ языка ставится в зависимость от развития науки, онтологии и эпистемологии.⁷

В аналитическом ключе работают не только «постпозитивистские» аналитики, но и представители других направлений (прагматизм, феноменология, марксизм, религиозная философия и т.п.), есть стремление (Дж.О.Уисдома, М.Лазеровиц, Р.Рорти и др.) синтезировать лингвистический анализ с психоанализом, структурализмом, герменевтикой. Не случайно Дж.Остин называл философию позднего Витгенштейна «лингвистической феноменологией». Растет влияние Эдинбургской школы социального анализа познания (Д.Блур), продолжающей идеи позднего Витгенштейна. Аналитическая философия как вненациональная, вненаправленческая, становится базой, на которой осуществляются конвергенция (например, с трансцендентальной феноменологией - Г. - Г.Гадамер) и диалог философских культур. Враждебное отношение к метафизике (как и борьба против системосозидателей, сторонников автономии философии, почитателей истории, сентименталистов и назидателей, по словам Н.Решера) совсем не означает, что в своей деятельности аналитики не исходят из определенных метафизических предпосылок. К таким сугубо метафизическим предпосылкам можно отнести эмпиризм в форме феноменологии или физикализма, методологический натурализм, сведение философии

⁴ Tugendhat E. *Vorlesungen zur Einführung in die Sprachanalytische Philosophie*. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1976

⁵ Pascal E. *Continental Insularity: Contemporary French Analytical Philosophy / Contemporary French Philosophy*. Series 21. Supplement to *Philosophy* 1987. Ed. by A.P. Griffits. Cambridge Univ. Press. 1987.

⁶ *One Hundred Twentieth-Century Philosophers*. Ed. by S. Brown. L. Collinson, R. Wilkinson. L.-N.Y., Routledge. 1998

⁷ См. Грязнов А.Ф. аналитическая философия. М. 2006; аналитическая философия./ Под ред. М.В.Лебедев, А.З.Черняка. М. 2006; Новейшие тенденции в современной аналитической философии. М. 1985: Современная аналитическая философия. Сборник обзоров и рефератов. Вып. 1-3. М. 1988

к логике, отождествление познания с наукой, абсолютизацию обыденного сознания и «повседневного языка».

В аналитической философии сложилась ситуация, когда на смену одной лидирующей программе выдвигается целый спектр альтернатив.⁸ Появились работы, в которых предпринимаются оценки тенденций, альтернатив, программ неоаналитической и постаналитической мысли, попытки прогнозировать развитие аналитической философии, выделения новых тенденций и исследовательских направлений. С.Крипке и Д.Фодор радикально преобразовывают философию языка. Постаналитики (например, Патнэм, Рорти, Кейвл, Роулс, Нозик, Макинтайр, Кюнг) идут за аналитический горизонт. Рефлексия по поводу собственной истории является новой чертой развития аналитической философии, начиная с конца 80-х годов. Все это подтверждает тот факт, что ни одна живая философская доктрина не остается неизменной, ее содержание несводимо к изначальным канонам периода становления.

Аналитическая философия оформляется как своеобразная методологическая реакция на «классические» способы философствования, как противопоставление «гносеологической стерильности» и созерцательности идеализма и видит в философии прежде всего не теорию, а метод «философского анализа» и пытается переориентировать философию на исследование языковой проблематики и науки.⁹ Швейцарский философ Г.Кюнг, сравнивая семантическую терминологию (теории референции), сложившуюся у Рассела и Фреге, с соответствующей терминологией феноменологической философии, приходит к выводу об известном параллелизме точек зрения англосаксонского логико-философского анализа и «континентальной» феноменологии.

Даже история философии вслед за Дж.Г.Льюисом, Б.Расселом, Г.Рейхенбахом, например у Дж.Пасмора, представляется как борьба метафизической (спекулятивной) и критической (аналитической) традиций, при этом мудрецы-метафизики опираются на непосредственную интуицию, а философы-критики - на логику.¹⁰ В.Штегмюллер сводит весь круг проблем в истории философии к аналитическим.¹¹

Главный труд Рорти «Философия и Зеркало Природы» (1979) посвящен подведению итогов аналитической философии середины XX в., в ходе которого он формулирует свои взгляды. «Аналитическая философия» представляет собой еще один вариант кантианской философии, отличающийся от прежних главным образом тем, что в ней обсуждаются скорее лингвистические, а не ментальные представления, скорее философия языка, а не «трансцендентальная критика» или психология», - пишет Рорти.¹² Витгенштейн, Дьюи, Куайн и Дэвидсон для Рорти – герои борьбы с «научной» аналитической философией, с ее универсалистскими претензиями. Эти философы пропагандировали «назидание», а не анализ, выработку приватного философского языка, а не «журнальную» деятельность. Они выступают «аномалиями» в аналитической мысли и не вписываются в общие рамки этого течения. Рорти, тем самым, критикует не только базовые проблемы, но и сам стиль аналитической философии. При этом, несмотря на резкость высказываний, он не хочет порывать с этой традицией. Скорее, он рассматривает себя как аналитика, «выросшего» из тесной одежды прежней парадигмы. Новые ценности Куайна и Дэвидсона Рорти хочет водрузить на место старых ценностей Мура и Рассела. В качестве главной мишени «старой» парадигмы аналитической традиции Рорти выбирает *теорию соответствия*, лежащую в основе как неореализма, так и философии логического анализа. Рорти выдвигает «переописания», когда следует смотреть на философов скорее с

⁸ См.: *Post-analytical philosophy* / Ed. hi J. Rajchman. C. West. NY. Columbia University Press. 1985.

⁹ von Wright, G. H. 1993. 'Analytic Philosophy', in: *The Tree of Knowledge and Other Essays*, Leiden: Brill, pp. 1–34.

¹⁰ Passmor J. *Philosophy* // *The encyclopedia of philosophy*. P. Edwards ed. in chief. Vol.6. NY-L. 1971. P.2 16-226.

¹¹ Stegmüller. W. *Hauptsromungen der Gegenwartsprilosophie. Eine kritische Einführung*. Stuttgart. 1969

¹² Рорти Р. *Философия и Зеркало Природы*. Новосибирск, 1997. С. 6.

точки зрения их вклада в философию и с точки зрения «исторической перспективы», нежели с точки зрения действительного характера их теорий.

Ричард Рорти, квалифицирует себя как убежденного холиста, историциста, прагматиста и контекстуалиста. В лекции по радио в 1999 г. он говорил, что «антагонизм между аналитической и неаналитической философией утомительно знаком всем посвященным лицам. Но ссылки на этот раскол часто озадачивают нефилософов. Они понятия не имеют, о чем суета. Им весьма неясны суждения о том, что отличает аналитическую философию от других марок, на какие проблемы аналитические философи тратят их время».¹³ Аналитическая философия может грубо быть определена как попытка объединить переход от обсуждения опыта к обсуждению языка — что Густав Бергманн назвал “лингвистическим поворотом” - с еще одной попыткой к профессиоанализации дисциплины, делая ее более научной. Лингвистический поворот обычен ко всей философии двадцатого столетия и столь же очевиден у Хайдеггера, Хабермаса, Гадамера, и Деррида, как у Карнапа, Айера, Остина и Витгенштейна. Прежде, чем аналитическая философия вступала во владение, исследование философии и в англоговорящих, и в неанглофонских странах сосредоточилось вокруг истории философии. Любой, кто преподавал философию, как ожидали, будет в состоянии говорить об относительных достоинствах Платона и Аристотеля, Гоббса и Спинозы, Канта и Гегеля, Ницше и Милля. Антиисторизм аналитической философии, однако, не предотвратил исследование истории философии, как и борьба с метафизикой не изъяла ее из аналитической философии.¹⁴

Исследование истории философии в американских университетах одинаково далеко удалено от проблем так называемых "основных" областей аналитической философии. Правда, Карнап предложил изменение парадигмы, которая революционизировала англофонскую философию. Историки философии в американских департаментах философии, если можно так выразиться, "аналитические" только учивостью. Рорти говорит, что надо принять во внимание, что в первом потоке аналитического энтузиазма были некоторые неуклюжие попытки сделать Аристотеля своего родаproto-Расселом или proto-Остином, и представить Канта запутавшимся proto-Стросном. К концу XX столетия есть часто небольшое различие между комментариями по каноническим текстам, написанным профессорами философии, и сочиненными политическими учеными или интеллектуальными историками. Центральное положение в американских отделах философии теперь занято так называемой «основной» «метафизикой сувениров», эпистемологией, философией языка, и философией мнения. Историки философии, как Лавджой или Шнивинд (Schneewind), заинтересованы тенденциями, а не событиями, и часто группируются с торговцами мнения. О них думают как схожих больше с литературными критиками, чем с реальными профессиональными философами.

Континентальная философия желает, и часто нетерпеливо, уничтожить границы между философией, интеллектуальной историей, литературой, литературной критикой и критикой культуры. Они относительно безразличны к результатам сферы естественных наук.¹⁵ Если бы историки должны были оценить величину достижений аналитической философии, они преуспели бы, чтобы отставить в сторону корыстную риторику, которую аналитические философы, к сожалению, продолжают использовать. Проблема не в том, как избежать аналитической философии, а скорее в том, почему мы должны изучить определенных избранных аналитических философов, чтобы полностью оценить поддающиеся трансформации возможности, которые интеллектуальные движения XX столетия открыли для нас. Дисциплинарная матрица аналитической философии, несмотря

¹³ Рорти Ричард. *Аналитическая философия и трансформативная философия* <http://www.stanford.edu/~rrorty/analytictrans.htm>

¹⁴ *Classics of analytical metaphysics*. Edited by Blackman Larry Lee. Lanham: University Press of America 1984.

¹⁵ Peruzzi Alberto. *Beyond a Division: Giulio Preti and the Dispute between Analytic and Continental Philosophy* // Diogenes 2007; 54; 47-57

на полузащитную риторику, которой она наполняется, такова, что с ней будущие интеллектуальные историки должны будут стать знакомыми, так же, как с дисциплинарной матрицей немецкого идеализма. Согласно первенству в области коммуникации Юрген Хабермас и Карл-Ото Апель действовали как миротворцы между аналитиками и европейцами и пробовали показать, что требования каждой группы были совместимы.

Историко-философское осмысление теории коммуникативных действий и деконструкции становится особенно актуальным в свете последних событий, спровоцировавших «примирение» крупнейших философов (после событий 11 сентября 2001 года в Америке и последовавшего объявление «войны терроризму») и создание совместного манифеста, направленного на объединение своих сторонников и воплощение единой программы действий, - программной статьи «Наше обновление после войны: второе рождение Европы», напечатанной 31 мая 2003 года на страницах «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и «Liberation». Состоявшееся «примирение» позволяет призвать к пересмотру уже сложившейся историко-философской традиции противопоставления философских систем Ю.Хабермаса и Ж.Деррида: отныне их «симпатизирование» модернистскому или постмодернистскому проектам не считается достаточным основанием для подобной позиции. Более того, позволяет установить «вписанность» Ю.Хабермаса и Ж.Деррида в единую историко-философскую традицию Современности (наличие общих историко-философских корней и преследование общих целей), а также поставить под вопрос сложившееся понимание революционного характера постмодерна. С историко-философской точки зрения точки зрения модерн и постмодерн как конкурирующие проекты по описанию Современности оказываются просто альтернативными тактиками по реализации одной и той же антикризисной стратегии.

Этот процесс поиска единства касается не только модерна и постмодерна, или аналитической и феноменологической традиций.¹⁶ Он затрагивает и саму аналитическую философию.¹⁷ В последнее десятилетие XX вышли ряд работ по истории аналитической философии, которые, как пишет Майкл Биней, «достили совершеннолетия».¹⁸ Так, Ганс Слуга (1980) делает попытку исправить исторически искаженную картину Фреге,¹⁹ которую предложил Майкл Дамметт (1973);²⁰ имеются прекрасные исследования о Муре Томаса Болдуина (1990)²¹ и о Расселе Питера Хилтона (1990)²² и Николаса Гриффина (1991);²³ полезную историю того, что он называет «семантической традицией» Альберто Коффа (1991),²⁴ так же как философски информированные биографии и Витгенштейна, и

¹⁶ The analytic Turn: analysis in early analytic philosophy and phenomenology/ ed. by M. Beaney. New York. 2007; Stewart David and Mickunas Algis. *Exploring phenomenology. A guide to the field and its literature*. Athens: Ohio University Press 1990; *Phenomenology world-wide: foundations, expanding dynamisms, life-engagements. A guide for research and study*. Edited by Tymieniecka Anna-Teresa. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers 2002; *Realism and the background of phenomenology*. Edited by Chisholm Roderick. Atascadero, California: Ridgeview 1960.

¹⁷ Glock. H. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge, 2008; *A Companion to Analytic Philosophy*. Edited by Martinich Aloysius. Oxford: Blackwell Publishers 2001; Stroll Avrum. *Twentieth-century analytic philosophy*. New York: Columbia University Press 2000; Clarke David S. *Philosophy's second revolution. Early and recent analytic philosophy*. La Salle: Open Court 1997; Dummett Michael. *Origins of analytical philosophy*. London: Duckworth 1993.

¹⁸ Beaney Michael. *What is analytic philosophy?* // BIHP 6 (3) 1998: 463-472

¹⁹ Sluga, Hans 1980: *Gottlob Frege* (Routledge).

²⁰ Dummett, Michael 1973: *Frege: Philosophy of Language* (Duckworth; 2nd ed. 1981).

²¹ Baldwin, Thomas 1990: *G. E. Moore* (Routledge).

²² Hylton, Peter 1990: *Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy* (OUP).

²³ Griffin, Nicholas 1991: *Russell's Idealist Apprenticeship* (OUP).

²⁴ Coffa, J. Alberto 1991: *The Semantic Tradition from Kant to Carnap* (CUP).

Рассела Рэя Монка (1990, 1996). ²⁵ Майкл Дамметт сам стал более исторически чувствительным, с шедевром о «Философии математики Фреге» (1991), в которой философская догадливость объединяется с оценкой исторического развития логицизма Фреге, так же как том эссе относительно тем, касающихся происхождения аналитической философии (1993). ²⁶ Есть и другие вклады, которые углубляют наше понимание природы и происхождения аналитической философии, и свидетельствуют о диапазоне и богатстве работы, которая продолжается в этой области.²⁷

Естественно, проходят и научные конференции. Так, *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy* – собрание статей конференции по Расселу проводимой в Университете Саутгемптона в июле 1995, многие из которых устанавливают новые стандарты толкования Рассела и дают толчок нашему пониманию природы и новые глубины развития его аргументов.²⁸ Грегори Ландини (Gregory Landini) рассматривает формальную систему *Principia Mathematica*, чтобы сделать ее совместимой с философскими идеями, ясно сформулированными во *Введении* книги; Энтони Грайлинг (Anthony Grayling) защищает необыкновенную аргументацию Рассела в его очень раннем *«Essay on the Foundations of Geometry»* против критики Мура, различая между идеализмом, который, как считает Грайлинг, было правильно отклонить, и антиреализмом, который, по его мнению, служил бы позже эпистемологии Рассела лучше, чем реализм. Франциско Родригес_Консуэгра (Francisco Rodriguez-Consuegra) прослеживает развитие мысли Рассела с его раннего атомизма до холизма. Эта проблема также обеспечивает тему Стюарта Кандлиша (Stewart Candlish). Его статья *The Unity of the Proposition and Russell's Theories of Judgement* показывает, как теории суждения Рассела в 1903-1918 годах может быть отмечена как ряд (неудачных) попыток решить проблему.

Две статьи в собрании проливают свет на теорию описаний. В *«Denoting Concepts in The Principles of Mathematics»* Николас Гриффин считает, что «стандарт», «квази-Мейнинганская» интерпретация теория описаний Рассела была направлена на его собственную более раннюю теорию обозначения понятий. Развитие взглядов Рассела здесь и точную природу аргумента Рассела в *«Об обозначении»* объясняет более подробно Гарольд Нунан (Harold Noonan) в *«The "Gray's Elegy" Argument - and Others»*, считая лучшим общеизвестное рассуждение в *«Об Обозначении»* Рассела до настоящего времени. Теория описания действительно является результатом процесса онтологического упрощения, согласно Нунану, но это - процесс, который работает в *пределах* класса понятий, и имеет место в двух стадиях: во-первых, отклонение Расселом раннего представления, что обозначающие понятия составляют специальный класс понятий, и, во-вторых, опровержение (сравни: р. 100 - 1). Так «стандартная» интерпретация оказывается правильной по духу, но неправильной в деталях.

В отличие от других статей в томе, Энтони Палмер (Anthony Palmer) в статье *«The Complex Problem and the Theory of Symbolism»* заинтересован не Расселом, но ранним Витгенштейном. Однако, цель состоит в том, чтобы сопротивляться «Расселовскому» прочтению *Трактата*, который путает доктрину Витгенштейна биполярности суждения, вовлекает идею, что «р» и «не-р» соответствуют одному и тому же факту, с доктриной

²⁵ Monk, Ray 1990: 1) *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius* (Jonathan Cape, London); 2) Monk, Ray 1996: *Bertrand Russell: 1872–1920 The Spirit of Solitude* (Jonathan Cape, London). 3) Monk, Ray 2001 *Bertrand Russell: 1921–1970. The Ghost of Madness*

²⁶ Dummett, Michael 1) 1991: *Frege: Philosophy of Mathematics* (Duckworth); 2) 1993: *Origins of Analytical Philosophy* (Duckworth).

²⁷ См., например: P. Frascolla, D. Marconi and A. Voltolini (eds.), *Wittgenstein: Mind, Meaning and Metaphysics* (Palgrave, London) 2010; *Wittgenstein and Analytic Philosophy: Essays in Honour of Peter Hacker*, edited with J. Hyman (Oxford University Press, Oxford 2009), xxii + 315; Ernest Lepore and Kirk Ludwig. 2004 *Donald Davidson //Midwest Studies in Philosophy*, XXVIII , 309-333

²⁸ Ray Monk and Anthony Palmer, (eds.) *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy*, Thoemmes Press, Bristol, 1996; pp. xvi + 383;

двузначности Рассела, согласно которой «суждение имеет два способа быть связанным с действительностью, истинный путь или ложный путь», доктрина, которая не только несовместима с концепцией тавтологии и противоречия Витгенштейна, но которая также требует постулирования отрицательных фактов (см. р. 164). Этот беспорядок, связанный с отказом Рассела (и других после него), различает между фактами и комплексами, где комплексы составлены из частей, а факты нет. В категорическом толковании суждения 2 из *Трактата*, то, который он переводит как, «Происходящее, факт - существование событий»,²⁹ Палмер ясно дает понять, что факты не должны быть идентифицированы с положением дел (поскольку существующие переводы обманчиво предлагаются, передавая «*Bestehen*» как «существование» вместо хранилища «*holding*»). Положение дел - действительно самостоятельные комплексы, составленные из простых объектов. С точки зрения Витгенштейна, простые объекты - форма так же как содержание (элементы) комплексов. Логический атомизм Витгенштейна, таким образом, более тонкий, чем Рассела; и можно было также добавить, что передача концепции анализа более богата, чем просто идея относительно анализа как разложение - совпадающие «компоненты» - только часть, что включает «анализ».

Роль анализа - центральная тема двух статей. Питер Хилтон (Peter Hylton) в статье *Beginning with Analysis*, справедливо указывает что «Любая данная концепция суждений и анализа фактически неразрывно запутана (tangled) в метафизике». Идея относительно "обнаружения и анализа суждения, выраженного данным предложением - того, который делает смысл только в пределах данного философского контекста, который налагает ограничения на процесс; философский контекст не может быть самостоятельным, поэтому основывается на нейтральном или бесспорном понятии анализа». (Р. 183-4). Одно ограничение может быть потребность обращаться с такими предложениями в пределах логической теории; другое может быть предложением, что понимание таких предложений согласуется с принципом знакомства Рассела (р. 207). Но нет, конечно, никакой причины предположить, как Рассел наивно полагал в его книге по Лейбничу,³⁰ что эта философия может просто начаться с анализа суждений.³¹

Удивительно, этот пункт скорее потерян у Рэя Монка, который, в его статье «*What is Analytical Philosophy?*», принимает точно ту сырую концепцию анализа, которую другие статьи в его совместно отредактированном собрании показывают, будут неадекватны. Он справедливо критикует требование Дамметта, что «фундаментальная аксиома аналитической философии» гласит - «единственный маршрут к анализу мысли проходит через анализ языка»,³² в этом случае враждебность Рассела к обычному языку исключила бы Рассела из класса аналитических философов. Но просто аналитическая характеристика философии как философии, которая посвящает себя анализу (d. Ray Monk, р. 11,21), ведет во всяком случае, к еще худшей классификации. Начиная с позднего периода, согласно Рэю Монку, Витгенштейн не верит в анализ; тогда что мы имеем: Монк предлагает не оппозицию между «аналитической» и «феноменологической» или «континентальной» философией, но между «аналитической» и «витгенштейнианской» философией. Но тогда где находятся философы типа Хайдеггера, Коллингвуда или Деррида? И даже если мы определяем, что центральная оппозиция находится только между «аналитическими» и «неаналитическими» философами, тогда как понимать предысторию философии XX столетия? Конечно, совершенно правильно напомнить, что «аналитическая философия» включает обязательство к анализу, но философия использовала этот метод и ранее. И даже если мы делаем более определенное, но исторически неосведомленное предположение, этот «анализ» означает «разложение», то есть как вовлечение разрушения комплексов на

²⁹ Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* / Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М. 1994. С.5

³⁰ Russell, Bertrand 1937: *A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz*, 2nd ed. (Routledge; 1st ed. 1900). p. 8

³¹ См.: Hylton, Peter 1990: *Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy* (OUP). p. 183, 215

³² Dummett, Michael 1993: *Origins of Analytical Philosophy* (Duckworth). p. 128

их элементы (d. Ray Monk, p. 12), это все еще подразумевало бы, что более ранние философы, типа Локка и Юма считаются как «аналитические». Может вполне быть случай для утверждения, что термин «аналитическая философия» теперь используется в таком разнообразии, что оно утеряло его полноценность.

Вопрос, «Что является аналитической философией?» является также главной темой *The Rise of Analytic Philosophy*, отредактированной Глоком (Hans-Johann Glock). Работа содержит статьи четырех выступающих на конференции, проведенной в апреле 1995 в Университе Ридингса, вместе с коротким введением редактора и статьи Дагфинна Фоллесдаля (Dagfinn Follesdal).³³ Одна из них - более ранняя статья Рэя Монка «*Was Russell an Analytical Philosopher*», который концентрируется при показе несоответствия характеристики Дамметта «аналитической философии», однако, не предлагая чего-нибудь более положительного, чем неопределенное обязательство к методу анализа. Но в «*Analytic Philosophy: What is it and why should one engage in it?*», Дагфин Фоллесдаль действительно обеспечивает нечто большее, чем возражение, которое может быть адресовано Монку. Как и Монк, Фоллесдаль выступает против деления современной философии на «аналитическую» и «континентальную» и предлагает вместо этого иной поход: в современную философию, по его мнению, входят различные формы, типа феноменологии, герменевтики, неотомизма, натурализма, и т.д., которые могут исследоваться «более или менее аналитическим» способом.

«Аналитическая» философия, возражает он, не может быть охарактеризована ни в терминах доктрин или проблем, ни генетически, как историческая традиция, ни как основанная на методе «концептуального анализа», все, из которых исключили бы некоторых философов обычно расцениваемых как «аналитические». Скорее, то, что различает, это «способ приближаться к философским проблемам» (р. 4), путь, который помещает акцент на аргументе и оправдании, где целями являются ясность, единство и «рефлексивное равновесие» (р. 10-11). Фоллесдаль делает очевидный вывод, что много философов "пред- двадцатого столетия" тогда выглядят как «аналитические», и он даже признает, что это для него - «почти тавтология», что все действительно большие философы - аналитические философы (р. 14).³⁴ Но доводит до абсурда его характеристики, при условии, что термин, как обычно используется, и посвященными лицами и посторонними, ясно пред назначен обращаться к движению, или установить связанные движения в пределах современной философии. (Фоллесдаль заявляет на р. 2, что «ярлык "аналитическая философия" является несоответствующим даже в целях обзора, который включен в сборник, давая право *The Rise of Analytic Philosophy* извращенного взгляда.) Можно согласиться с Фоллесдалем, что нет никакого существенного набора доктрин, проблем или методов, которые уникально определяют «аналитическую философию». Фоллесдаль предлагает ту характеристику «аналитической» философии, которая генетически исключила бы Больцано, не направляет влияние на тех, кто обычно расценивается как основатели «аналитической» традиции, но кто, как часто утверждают, является «аналитическим» философом. Но факт, что данный философ, возможно, не имел важного влияния на определенные ключевые фигуры исторической традиции, не обязательно означает то, что он или она не может быть замечен как часть той традиции. Они могли бы все, для примера, отвечать подобным способом специфическим проблемам в более ранней традиции. Логически проницательный критический анализ Больцано аналитического/синтетического различия Канта, критический анализ, который конечно составляет одну центральную нить в аналитической традиции, один обеспечивает случай для того, чтобы считать его «аналитическим» философом. По крайней мере, существование «аномалий» типа Больцано обеспечивает причину для более детального

³³ Hans Johann Glock, (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*, Blackwell, 1997; pp. xiv + 95;

³⁴ Follesdal Dagfinn 'Analytic Philosophy: What is it and why should one engage in it? / Glock H. J., (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*, Blackwell, 1997. P. 4, 10-11, 14

исторического исследования философской проблемы, которые мотивировали «основателей» данной традиции.³⁵

Ганс Слуга также утверждает, что аналитическую философию не стоит обозначать как монолитную традицию с отличным набором верований: «Как любая другая философская традиция она, в действительности, область перекрывающихся и отклоняющихся дискурсов».³⁶ Он сосредотачивается на философии Фреге и показывает, что его стоит отметить как развивающегося, стоящего, в частности, на идеях неокантианского движения. Можно было придраться по степени этого специфического влияния; но Слуга справедлив, ибо деятельность Фреге со значением была развита из его математических интересов, и чтобы оценить степень, до которой может быть Фреге расценен как один из основателей аналитической философии, каждый должен понять, как его идеи развивались.

В *The Rise of Twentieth Century Analytic Philosophy* и на очень большом масштабе в его книге *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy* (1996), из которой была привлечена статья, Питер Хакер принимает подход, который должен был предложить особенности аналитической философии, чтобы избегать нелепости таких упрощенных характеристик, которые предлагаются Монк и Фоллесдалем. Хакер делит «аналитическую философию» на четыре фазы, каждая из которых символизирована специфическим видом или видами анализа. *Первая фаза* была во власти метода «концептуального анализа» Мура и занятостью Рассела логическим анализом, который с введением теории описаний, открыл промежуток между грамматической и логической формой предложений и вдохновлена редукционистской программой в философии (позже отмеченной в лозунге, «Везде, где возможно, логические конструкции нужно заменить на выведенные объекты»). *Вторая фаза* была открытым «лингвистическим поворотом» взятым Витгенштейном в *Трактате*, что привело к так называемому Кембриджскому анализу 1920-ых и в начале 1930-ых с Рамсеем, Уиздомом и Стеббингом (Ramsey, Wisdom и Stebbing) - тремя из его более известных практиков. *Третья фаза*, также вдохновленная Витгенштейном, и *Трактатом* и его беседами с членами Венского кружка, была расцветом логического позитивизма с его акцентом на аналитическом/синтетическом различии, принципом верификации и отклонения метафизики в пользу методологического эмпиризма, с Карнапом и Айром как передовых защитников. *Четвертая фаза*, которую Хакер обсуждает в его статье, был послевоенный период Оксфордской «лингвистической философии», под влиянием позднего Витгенштейна, с занятостью «терапевтическими» и «соединительными» формами анализа, как показано в работах, например, Вайсманна, Райля, Остина и Стросона.

Теперь можно вполне обсудить некоторые детали истории, о которой говорит Хакер, или подвергать сомнению ее разделение на эти четыре фазы. Хакер серьезно приуменьшает роль Фреге в истории, и влияние событий в логике и математике в девятнадцатом и начале двадцатого столетиях. Но основное - это подход, стремящийся понять историю «динамически», поскольку Хакер считает его единственным способом ответить на вопрос, «Что является аналитической философией?» (р. 56) Задача была найти метод классификации аналитических философов или выяснить отношения их к движению мысли, история которой составляет аналитическую традицию.

Оказалось, что вопрос относительно того, чем «является аналитическая философия», не может быть отделен от вопроса относительно того, вошли ли мы уже в "пост-аналитический" век. В своей статье Джон Скорупский полагает, что мы имеем – или, по крайней мере, мы должны иметь - в определенной степени, что аналитическая философия (как это произошло в ее «триумфалистской фазе») имеет «приоритетом некий тезис» - «правила использования языка» для философских понятий и намеренных

³⁵ Føllesdal, Dagfinn. 1996. 'Analytic Philosophy: What it is and Why Should One Engage in It?', *Ratio*, n.s., vol. IX, pp. 192–208.

³⁶ Hans Sluga. *Frege on Meaning*. / Glock H. J., (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*, Blackwell, 1997. p. 19

умственных состояний»³⁷ требование, которое в свою очередь остается в тезисе, что все познавательное содержание - фактическое содержание. Начиная с этого последнего утверждения, тезис является «несвязным», и «мы, поэтому, должны закрыть эту главу в истории философии двадцатого столетия», которую называют «аналитическое движение» (р. 78).³⁸ Но даже если мы соглашаемся с Скорупским, есть «нормативное содержание, которое является нефактическим (когда тезис является ложным, а не несвязным - Скорупский не делает радикальных усилий критики самого понятия «фактического содержания»). В любом случае, просто попытка идентифицировать «аналитическую философию» с одним центральным тезисом может привести к исключению части признанных практиков (если тезис сделан слишком определенным), или к включению многих философов "пред двадцатого столетия" (если тезис сделан слишком общий) из этого кластера. Эти факты убедительно раскрывает Николай Милков.³⁹

Хакер в своей книге даже говорит об «упадке» (decline) аналитической философии (название главы 8), но здесь он, кажется, сожалеет росту новых и ядовитых форм «научной философии». Некрологи «аналитической философии» ясно преждевременные, потому что, как ярлыки «эмпиризм» или «реализм», использование термина теперь так твердо укреплено в философском дискурсе, что едва любой «некролог» написан, как он немедленно уравновешен занятостью термина в других контекстах. Один такой контекст - серия, названная «Перспективы в аналитической философии», изданная Уолтером де Грейтером.⁴⁰ Если требуется любое подтверждение твердого укрепления «аналитической философии», так же как важности Фреге для аналитической традиции, им необходимо смотреть том 13 в серии, названный *Frege: Importance and Legacy*, под редакцией Маттиаса Ширна.⁴¹ Что особенно известно об этом роскошном собрании статей, так это демонстрация значимости Фреге, начиная с философии языка к (предшествующей) философии математики. В собрании Ширна представлено более чем 300 страниц по логике Фреге и философии математики, 60 страниц по эпистемологии Фреге и 85 страниц по философии языка Фреге. Конечно, это частично отражает интересы редактора, но как Ширн ясно дает понять в его обстоятельном введении на 45 страниц, он был вдохновлен оценкой роли логицизма Фреге и целым созвездием семантических, эпистемологических и онтологических проблем. Несколько статей в собрании Ширна были изданы прежде⁴² (статьи Б. Хала и К. Райта, Дж. Булоса и Т. Бурже), но есть новые статьи Майкла Ресника о математическом структурализме, У.Тайта о критике Фреге Кантора и Дедекинда в *Grundlagen*, Р.Хика о доказательстве Фреге Теоремы 263 из *Grundgesetze*, Х.Тила о структуре логической системы Фреге, а также работы П. Саймонса, Ф. фон Кучеры, Евы Пикарди, Г.Габриэля, Т.Парсонса, Р. Мендельсона и Б. Хала. Аргументация повсюду - дань к собственной суровости Фреге, и статьи богатые философскими и экзегетическими осмыслениями.

Спустя столетие после того, как оригинальные работы не только Рассела, но и Фреге, стали широко известны, появилась возможность любому желающему написать историю философских событий в двадцатом столетии, особенно если цель состоит в том, чтобы произвести на свет учебник. Том IX из «Истории философии» Routledge, названный *Философия науки, логики и математики в 20-ом столетии*, под редакцией С.Шанкера,⁴³,

³⁷ John Skorupski *Why did Language matter to Analytic Philosophy?* / Glock H. J., (ed.) *Analysing analytic philosophy: The Rise of Analytic Philosophy*, Blackwell, 1997. p. 77

³⁸ Ibid. P.78

³⁹ Milkov Nikolay 2003 *What is analytic philosophy?*

<http://kw.uni-paderborn.de/fileadmin/kw/institute/Philosophie/Personal/Milkov/analytic2.pdf>

⁴⁰ Walter de Gruyter (ed.) *'Perspectives in Analytical Philosophy'* Berlin and New York, 1999

⁴¹ Matthias Schirn, (ed.) *Frege: Importance and Legacy*, Berlin: De Gruyter, 1996. Pp. ix, 466

⁴² Bob Hale and Crispin Wright on Hartry Field's nominalism, George Boolos on the contradiction in Frege's system, with Michael Dummett's reply, and Tyler Burge on Frege's Platonism

⁴³ History of Philosophy Volume IX *Philosophy of Science, Logic and Mathematics in the 20th Century*, Routledge, 1996; pp. xxxviii + 461 ,edited by Stuart Shanker

страдает сухим пересчетом различных моментов в истории рассматриваемых проблем. Двадцатое столетие засвидетельствовало рождение аналитической философии. Этот том покрывает некоторые из его ключевых движений и философов, включая *Трактат* Витгенштейна и работы Фреге. Здесь есть компетентные обзоры философии логики Эндрю Ирвайна (Andrew Irvine), философии математики Майкла Детлефсена (Michael Detlefsen), философии физики Рома Харре (Rom Harre) и философии науки Джозефа Агасси (Joseph Agassi), вместе с индивидуальными главами по Фреге, раннему Витгенштейну и логическому позитивизму и три главы, касающиеся объяснения человеческого поведения; книга снабжена хронологией и 70 –ти страничным глоссарием. В книге с подобным названием были ожидаемы глава по философии математики (70 страниц) и глава по кибернетике (20 страниц) Кеннета Сэйра (Kenneth Sayre). Но глава на 60 страниц редактора *Descartes legacy: the mechanist/vitalist debates* демонстрирует явное пренебрежение проблемами философии двадцатого столетия. Глава по Фреге Рэйнера Борна - самая серьезная неудача этого издания.

Спорными и дискутируемыми остаются проблемы метаэтики Рассела, хотя его убедительно защищает Чарльз Пигден (Charles Pigden). ⁴⁴ Много недоумений вызывает книга *Ludwig Boltzmann: His Later Life and Philosophy, 1900-1906*, под редакцией Джона Блэкмора.⁴⁵ В ней представлена корреспонденция Больцмана (в том числе и с такими светилами, как Мах и Брентано), любовно пересчитаны анекдоты о жизни Больцмана, вопрос его самоубийства ощутимо обработан (представлены все комбинации, включающие физическую болезнь, сверхурочную работу и интеллектуальное отчаяние), подняты такие вопросы, как обращался ли Больцман к Малеру или к Третьей Симфонии Бетховена; приложения детализируют каждого, в отношении которого Больцман выступал как советник. И при этом, введение на 42 страницы предлагает полезный краткий обзор научной работы Больцмана и его философские представления, в которых можно найти какие-то «семена будущей лингвистической философии», как рекламируется на суперобложке книги. Хотя, фактическая мысль Больцмана была больше комплексной. Пока его собственные работы далеки от моделей философской ясности и последовательности, действительно кажется, что сам Больцман не видел никакого конфликта между его верой в атомизм и недоверием к «метафизике», которую он характеризовал как «духовную мигрень»⁴⁶. Больцман, возможно, оказал большое влияние на философию двадцатого столетия, поскольку его идеи развиты позже и Витгенштейном, и логическими позитивистами, Поппером и Фейерабендом.⁴⁷

Ясно, что философское здоровье - вопрос поддержания правильного баланса между чувствительностью к текстам, которые стимулируют мысль (и без чего невозможны вообще философские успехи), и логической суворостью. Что делает историю аналитической философии такой интеллектуально захватывающей областью, как показывают рассмотренные книги, является взаимовыгодное взаимодействие между текстовой чувствительностью и философской аргументацией. Но не потерял ли аналитический метод свое «лицо» при экспансии герменевтических, феноменологических, структуралистских методов? На эти вопросы еще нет законченного ответа. Поэтому такие новшества, как внутренний реализм, рациональность традиции, нарративная логика,

⁴⁴ Pigden, Charles, ed. *Russell on Ethics*. London: Routledge. 1999; Pigden, Charles. *Russell's Philosophy of Moral* (17.12.2007) Стэнфордская энциклопедия.

Эл. Доступ (<<http://209.85.135.132/c?hl=ru&sl=en&u=http://plato.stanford.edu/entries/ru...>>); Pigden, Charles. «Bertrand Russell: Moral philosopher or unphilosophical moralist?»/ The Cambridge Companion to Bertrand Russell, ed. Nicholas Griffin. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 См. также Michael K. Potter. *Bertrand Russell's Ethics*. Bristol: Thoemmes Continuum, 2006.

⁴⁵ John Blackmore, (ed.) *Ludwig Boltzmann: His Later Life and Philosophy, 1900-1906*, Kluwer, Dordrecht, 1995; pp. xvi + 266

⁴⁶ *Ludwig Boltzmann: His Later Life and Philosophy, 1900-1906* .p.144

⁴⁷ *Ludwig Boltzmann: His Later Life and Philosophy, 1900-1906 Book 2. The Philosopher*. P.210

конструирование миров и т. д., являющиеся, несомненно, новым словом в англо-американской мысли, нуждаются в развитии, критике и переработке.⁴⁸

С другой стороны, разрушительная критика неопозитивизма изнутри (Л.Витгенштейн, У.Куайн, Г.Бергман, У.Селларс, Г.Фейгл) и извне (К.Поппер, И.Лакатос, Т.Кун, П.Фейерабенд, фон Вригт), как и забвение догм его разновидностей, привела к тому, что метафизическая проблематика вошла в аналитическую философию и приобрела не свойственную ей широту проблемного поля. Не ограничиваясь языковыми и методологическими средствами науки, современные аналитические философы ставят проблемы метафизики, онтологии, истории философии, методологии науки и техники, этики и права, философии языка, эстетики, теологии, социальной философии, философии истории, политической истории, социологии, этнографии и т.д.⁴⁹ Наблюдается «симпатия к современному, неаналитическому континентально-европейскому дискурсу»,⁵⁰ что было охарактеризовано Л.Наглем и Д.Дэвидсоном как *постаналитическая тенденция*⁵¹. Это была переориентация с исследования исключительно концептуальных и языковых средств на решение философских проблем *практически-прикладного характера* — вопросов морали, политики, права, социальной жизни, человека, культуры.⁵²

Наиболее развитую форму приобрела *аналитическая философия истории*, сформированная в работах А.Данто⁵³, Э.Нагеля, К.Гемпеля, У.Дрея, З.Мартина, Р.Рорти, использующих средства логического и лингвистического анализа. Аналитическая философия истории не занимается осмыслением исторических фактов или закономерностей исторического процесса, движущих сил истории. Эти вопросы не подлежат рационализации и не являются подлинно философскими, как осуждается и системосозидание в философии истории (наподобие А. Тойнби и П.Сорокина), или ценностно-ориентированные (т.е. «спекулятивные» и «ненаучные») рефлексии об истории. Предметом является анализ теоретических результатов деятельности историка (философия историографии), анализ концептуального аппарата исторического объяснения, смысла центральных понятий, а целью — создание научной философии истории, опирающейся на рациональную рефлексию относительно используемых концептуальных средств. Сходный анализ предмета и у *аналитической философии права* (две основные тенденции: 1) Г.Харт, Р.Дворкин, Д.Раз, 2) Л.Фуллер, Д.Роулс, Р.Нозик).

Джонатан Коэн считает, что множество разноречивых и новационных концепций аналитиков не мешает расширению, интенсивности, качеству и многогранности *диалога*, включением современных проблем и критических аргументов, критике принятых теорий, ибо все это является свидетельством жизненности и внутренней силы аналитической философии. Ее связывают не доктринальное и методологическое единство, а определенный *тип нормативных проблем* об обоснованиях и рассуждениях, базовые вопросы, связанные с основаниями принятия того или иного тезиса, а предметом становится *обоснование рационального рассуждения*⁵⁴.

⁴⁸ Clarke, David. 1997. *Philosophy's Second Revolution: Early and Recent Analytic Philosophy*, Chicago: Open Court.

⁴⁹ Garth L. Hallett. *Linguistic Philosophy*. The Central Story . SUNY series in Philosophy George R. Lucas Jr., 2008: State University of New York Press

⁵⁰ *Post-Continental Philosophy: Nosological Notes*, Stanford French Review, 1993.vol., XVII, pp. 133–50

⁵¹ *Wo steht die Analytische Philosophie Heute?* / Hrag. Von Nagl L., Heinrich R. Wien, Munchen, Oldenburg. 1986. S. 9-10;

⁵² Scott Soames: *Philosophical Analysis in the Twentieth Century* (Princeton: Princeton University Press, 2003),

⁵³ Danto A. *The Analytical Philosophy of History*. 1965

⁵⁴ Cohen L.G. *The dialogue of Reason: An analysis of Analytical Philosophy*. Oxford. 1986. P.10-11